

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. А. А. Бесков
г. Нижний Новгород, Россия

ОБРАЗ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА В РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ И НА ТЕЛЕВИДЕНИИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Комплексное историко-религиоведческое изучение феномена русского неоязычества» (проект № 15-31-01247)

Аннотация: В статье рассматриваются различные варианты репрезентации славянского язычества в советских и российских кинофильмах и телепередачах. Ранее эта тема почти не привлекала внимание ученых, хотя накопился значительный материал, требующий своего осмысления. Если в советскую эпоху кинематографисты проявляли симпатию преимущественно к язычникам, а не христианам, то в настоящее время наблюдается обратная ситуация. Причина этого в позиции государства, взявшего курс на поддержку православия. Однако на телевидении заметны тенденции к реабилитации и романтизации язычества, в чем можно видеть отражение потребностей российского общества. Вероятно, противостояние прохристианских и проязыческих интенций в российских фильмах и телепередачах будет лишь усиливаться.

Ключевые слова: визуальная культура, русская культура, российский кинематограф, российское телевидение, славянское язычество, массовое историческое сознание.

Информация об авторе: Андрей Анатольевич Бесков — кандидат философских наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, ул. Ульянова, д. 1, 603000 г. Нижний Новгород, Россия. E-mail: beskov_aa@mininuniver.ru

Дата поступления статьи: 20.04.2018

Дата публикации: 28.12.2018

Для цитирования: Бесков А. А. Образ славянского язычества в российском кинематографе и на телевидении // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 301–313.

Заявленная в названии статьи тема может показаться чересчур факультативной, однако она способна привлечь интерес различных групп читателей сразу по нескольким причинам.

Сама постановка подобной темы отдает дань пресловутому «визуальному повороту», ознаменовавшемуся сосредоточением внимания исследователей на феномене «экранной культуры», постепенно сменяющей «книжную культуру» [4, с. 22]. Общим местом в литературе стала констатация того, что кино, телевидение и в целом различные видеотехнологии дополняют, изменяют или даже подменяют собой окружающую

человека реальность. Даже если усмотреть в этой позиции излишний алармизм (разве книги не дополняют реальность?), приходится признать, что основания для подобных трактовок имеются, учитывая главенствующую роль телевидения как средства получения информации о происходящем вокруг [7]. Не удивительно поэтому, что некоторые авторы воспринимают все современное (во всяком случае российское) телевидение как средство создания коллективных мифов, выгодоприобретателем чего является государство или конкретные политические деятели [9]. О «тотальном контроле Кремля» над российским телевидением часто упоминают западные СМИ. Как будет показано ниже, подобный взгляд на российское телевидение придется несколько скорректировать.

Кинематограф и телевидение не только оказывают влияние на формирование массового сознания, но и сами являются неким отражением его текущего состояния. Следовательно, рассматриваемая в статье проблематика способна заинтересовать специалистов, изучающих проблемы современного массового сознания.

Заявленная тема имеет и отчетливое религиозоведческое измерение. Актуальность изучения взаимовлияния визуальных образов и религиозных представлений все более осознается на Западе — так, например, в США выходит академическое издание *Journal of Religion & Film*, под эгидой которого проводятся международные конференции. В российских изданиях также иногда появляются публикации такого рода, хотя о становлении соответствующего направления исследований говорить пока рано. Это особенно хорошо заметно на примере работ о таком любопытном феномене, как русское неоязычество. Несмотря на то что число работ о нем быстро растет и некоторые авторы даже отмечали какую-то связь между ним и некоторыми кинофильмами (еще советской поры), упоминая единичные примеры такого рода [5, с. 213; 12, с. 105], более подробно этот вопрос был рассмотрен лишь недавно [1]. Что же касается российских телепередач, то в данном контексте они не привлекали внимания исследователей до самого последнего времени [2], хотя материала для анализа накопилось предостаточно.

Провести детальный анализ всех аспектов заявленной темы в рамках одной статьи невозможно, поэтому мы рассмотрим здесь наиболее яркие и показательные, на наш взгляд, примеры, отсылая читателя, заинтересованного в более подробной информации, к недавним статьям автора [1; 2], которые, помимо прочего, выполняют функцию подробных каталогов соответствующих кинокартин и телепередач.

Тема славянского язычества ворвалась в советский кинематограф в 1960-х гг. Мы обнаруживаем ее в двух широко известных в мире кинокартинах — «Тени забытых предков» (режиссер-постановщик Сергей Параджанов, 1964) и «Андрей Рублев» (Андрей Тарковский, 1966).

Фильм «Тени забытых предков» снят по мотивам одноименной повести, написанной Михаилом Коцюбинским в 1911 г. Фильм, вслед за повестью, вводит нас в мир архаичного быта и суеверий гуцулов — славянского этноса, живущего в Карпатах. В фильме детально воссозданы этнографические реалии, которые находят свое соответствие в различных областях славянского мира и уверенно соотносятся учеными с язычеством древних славян. Сам факт появления такого фильма знаменует собой изменение общественного отношения к архаичной славянской культуре. Еще недавно этнографы, наблюдавшие ее реликты, говорили о «дикости» описываемых ими нравов. Эта позиция была характерна для ученых XIX в., но весьма близкой к ним была и позиция критиковавшего их за буржуазную ограниченность советского этнографа С. А. Токарева, писавшего, практически накануне выхода фильма Параджанова: «С практической точки зрения знать народные верования интересно и важно потому, что такое знание дает

нам возможность более сознательно и успешно вести борьбу за преодоление вредных пережитков в сознании человека» [10, с. 4]. Однако в кинокартине мы видим, напротив, стремление сохранить для потомков то, что ранее просвещенная общественность стремилась поскорее изжить из народного быта. Примечательно, что этот советский фильм вдруг оказывается созвучным интенциям американского послевоенного киноавангарда, увлеченного магией, ритуалами, оккультизмом и этнографической экзотикой [13].

Но если фильм Параджанова отличается поэтичностью киноязыка, то в фильме Тарковского зритель сталкивается с прозой жизни. Эпизод встречи монаха-иконописца Андрея Рублева с язычницей Марфой в купальскую ночь стал поводом для размышлений режиссера о природе любви. Братская любовь и любовь к Богу, которую проповедует язычникам Рублев, сталкивается с любовью плотской. Облава на язычников, проведенная наутро княжескими дружинниками и монахами, показывает реальную цену каждого из этих типов любви. Лишь язычник Федор готов оказывать сопротивление дружинникам ради того, чтобы помочь Марфе, христианам же остается лишь злорадно улыбаться либо тихо сидеть, потупив глаза. Так поступает и Рублев, не нашедший в себе решимости прийти на помощь женщине, ночью спасшей его от расправы расерженных его появлением язычников. Таким образом, Тарковский первым в отечественном кинематографе показал восточнославянское язычество как жертву репрессивного государственно-церковного аппарата.

Конфликт язычества и приходящего ему на смену христианства еще не раз отразился в советском кино. Довольно рельефно он представлен в фильме «Захар Беркут» (Леонид Осыка, 1971) по мотивам одноименной повести Ивана Франко, написанной в 1882 г. В фильме показана борьба карпатских русинов с монголами, готовыми обрушиться на Русь. Русины изображены язычниками, живущими общиной и не желающими признавать над собой власть боярина, поставленного князем. Язычники вызывают симпатию своими моральными качествами и свободолобием, хотя в фильме любование язычеством выражено в меньшей степени, нежели в книге. Зато в фильме разворачивается интересный диалог о вере между молодым язычником и девушкой-христианкой, чего нет в повести. Их разговор напоминает религиозный диспут, в котором позиция язычника выглядит сильнее.

Идеалами народоправства наполнен и другой фильм, снятый в том же году — «Могила Льва» (Валерий Рубинчик, 1971), основанный на мотивах белорусских народных легенд. Уже в самом начале фильма зритель понимает, что главный герой — кузнец Машека, а также его отец и соседи являются язычниками. Антагонист главного героя, князь Всеслав, строит христианский храм. Селение язычников он сжигает, дружинники валят установленный там идола, князь похищает невесту Машеки. Мы видим, как родоплеменные отношения уступают место феодальным порядкам, а вместе с тем уходит и прежняя демократичная религия. О том, что представляет собой новая вера, зритель может судить по эпизоду, где брат убитого князя воздает хвалы Господу за то, что дорога к престолу расчищена.

Тема религиозных конфликтов при христианизации Руси отражена еще в нескольких картинах. Таковы двухсерийные фильмы «Ярослав Мудрый» (Григорий Кохан, 1981), «Легенда о княгине Ольге» (Юрий Ильенко, 1983), «Русь изначальная» (Геннадий Васильев, 1985), а также односерийная кинолента «Василий Буслаев» (Геннадий Васильев, 1982), снятая по мотивам новгородских былин. Как и в других советских фильмах, там не найти открытой апологии язычества, в ленте «Ярослав Мудрый» выведен даже малосимпатичный образ язычника-фанатика. Но в целом прослеживается

линия, согласно которой христианство выступило в качестве агрессора по отношению к славянским верованиям и культурным традициям. Славяне-язычники изображаются либо нейтрально, либо с симпатией.

Однако уже на заре постсоветской эпохи акценты изменились. Предвестником грядущих перемен стал совместный советско-американский фильм «Феофания, рисующая смерть» (Владимир Алеников, 1991). Сюжет строится на противостоянии священника Агафангела и местного старосты язычника Григория, борющихся за умы колеблющейся паствы в какой-то средневековой русской деревне. Впервые восточнославянское язычество представлено в кино как нечто грубое, в полном смысле слова варварское. Впрочем, и православный священник здесь не вызывает симпатии.

Но то был пример отстраненного, чужого взгляда на славянскую историю, где и язычники, и христиане не заслуживают сочувствия. Фильмы, ориентированные на российского зрителя, конечно же, другие. И здесь можно выделить несколько стратегий построения образа язычества.

Современные кинематографисты, осваивающие бюджетные деньги, демонстрируют зрителю укорененность, «традиционность» православия в России. Но мазать язычество черной краской — значит бросить тень на наших предков, что вряд ли найдет понимание у зрителя. Отсюда вытекает задача разрешить явное противоречие и найти в язычестве что-то положительное, но наряду с этим обосновать необходимость замены старой религии. Эту линию мы видим в фильмах «Лествица Владимира Красное Солнышко» (Булат Мансуров, 2004) и «Ярослав. Тысячу лет назад» (Дмитрий Коробкин, 2010).

Другой возможный вариант — связать язычество с чем-то иллюзорным и сказочным, изготовив средствами кинематографа некий сказочный лубок а-ля рюс. Таковы четырехсерийный фильм «Легенда о Кашее» (Валерий Ткачев, 2004) и детский фильм «Русичи» (Адель Аль-Хадад, 2008).

Казалось бы, эти компромиссные варианты, снимающие давнюю культурную травму, вызванную христианизацией Руси, проведенной отнюдь не демократическими методами, так или иначе устраивает и государство, и общество, и потому должны стать нормой для российского кинематографа. Но не так давно ситуация стала меняться, и в итоге мы обнаруживаем еще как минимум два варианта репрезентации славянского язычества.

Один из них выражается в резко негативном изображении этого явления. Впервые одними лишь черными красками оно было нарисовано в малоизвестном фильме «Владимир Святой» (Юрий Томошевский, 1993). Правда из-за крайне скудного бюджета, выражающегося в почти полном отсутствии декораций, фильм приходится не столько смотреть, сколько слушать и потому негативный образ язычества конструируется главным образом через обличающие его речи персонажей.

На новом технологическом уровне очернение язычества началось совсем недавно. Пробным шаром стал приключенческий минисериал «Дружина» (Михаил Колпачихин, 2015), показанный на телеканале «Россия 2». В нем нам показывают некое славянское племя язычников-огнепоклонников, поклоняющихся богу смерти Морю (отметим эту необычную для кинематографа трактовку образа бога огня). Негативный образ язычников создается разными средствами — как визуальными (безобразный черный идол, жрец в страшной маске с огромным ножом в руке, его помощница с безумным взглядом, кровь, окропляющая загадочные языческие знаки, выбитые на камне), так и акустическими (всякий раз, как язычники появляются в кадре, зритель слышит «поту-

сторонние» голоса, шепчущие нечто зловещее). Стоит отметить, что подобное звуковое оформление стало стандартным для фильмов и сериалов мистической направленности, а эффективность влияния аудиоэффектов на восприятие зрителя привела к выделению особой отрасли в составе киноиндустрии — саунд-дизайна [6, с. 327–328]. Сочетание описанных приемов, использованных на современном уровне развития технологий, позволило создать весьма отталкивающий образ язычества.

Столь же непривлекательно оно показано в фильме «Викинг» (Андрей Кравчук, 2016), созданном при поддержке Фонда кино и Первого канала и ставшем одним из наиболее дорогих проектов в истории российского кинематографа. Фильм повествует о принятии князем Владимиром христианства, и мы не найдем здесь никакого любования язычеством. Древнерусские волхвы — грязные, тощие, изможденные, наголо обритые, одетые в лохмотья, перед столь же грубо (в полном смысле топорно) изготовленными идолами бьют в бубны, вводя народ в транс, и требуют от князя Владимира приносить человеческие жертвы. Хотя визуально это язычество выглядит иначе, чем в «Дружине», в целом посыл тот же: древние славянские волхвы — это полубезумные дикари и религиозные фанатики, которых исправит разве что могила.

Еще один возможный вариант представления славянского язычества в современном российском кинематографе — его апология — совсем недавно казался чем-то невероятным, ведь государство финансировать подобные фильмы явно не будет. Но времена меняются, и мы можем наблюдать любопытные сдвиги в этой сфере.

Сегодня, благодаря развитию технологий, снять свой фильм и ознакомить с ним широкую аудиторию под силу любому желающему. Примером тому служит фильм «Заключение Велеса» (2015) — это авторское, независимое кино в самом прямом смысле, поскольку фильм снят режиссером-любителем Сергеем Задориным и членами его семьи. Этот кинопродукт получился откровенно слабым, но он примечателен тем, что на данный момент это единственный современный фильм, который явно выражает симпатии к славянскому язычеству и высмеивает православное духовенство.

Но выражать симпатии к язычеству отваживаются не только режиссеры-любители. В фильме «Скиф» (Рустам Мосафир, 2017), снятом в жанре исторического фэнтези, мы не найдем эстетизации язычества — достаточно сказать, что служитель Перуна здесь выглядит еще более отталкивающе, нежели в «Викинге». Но в конце фильма — кровавого, brutального, рассчитанного на такую же аудиторию, как и «Дружина», — мы видим неожиданный поворот сюжета: христиане во главе с русским князем оказываются коварными и жестокими, в то время как противопоставленные им скифы-язычники вдруг предстают перед нами честными и благородными людьми, а главный герой, славянин Лютобор, ошеломленный вероломством своего князя, обретает новую идентичность и осознает себя скифом по духу¹. В фильме можно отметить те же мотивы, что и в советских лентах «Захар Беркут» и «Могила Льва», — герой противится воле князя-христианина, не считающегося ни с традициями, ни с моральными нормами.

Есть основания полагать, что режиссер не был вполне свободен в проявлении своих языческих симпатий и несколько их заретушировал. Оказывается, изначально Мосафир хотел снять фильм про Евпатия Коловрата — героического воина, упомянутого в древнерусской «Повести о разорении Рязани Батыем». В Интернете мы можем найти промоизер (фрагмент будущего фильма, изготовленный с целью презентации

¹ Нельзя не заметить, что название фильма удачно обыгрывает не только распространенное мнение, что скифы были предками восточных славян, но и привычную для нашей литературы формулу уничижительно-горделивого определения русского народа как «скифов» [3].

последнего) кинокартины под названием «Коловрат. Восхождение». Там присутствует сцена человеческого жертвоприношения перед идолом Перуна. Поскольку этот проект не был поддержан Фондом кино (госструктурой, в чьи задачи входит всемерная поддержка российского кинематографа) и, соответственно, фильм не был снят, нам остается лишь догадываться, как этот эпизод связан с событиями времен монгольского нашествия. Но примечательно само стремление режиссера обязательно снять что-то «языческое». И хотя в итоге им был снят совершенно другой фильм, многое из первоначального замысла в трансформированном виде было реализовано в получившем поддержку Фонда кино «Скифе».

Выражать симпатии к язычеству проще в тех фильмах, что изначально рассчитаны на телевизионную демонстрацию. Их бюджеты невелики, и им не требуется господдержка. Тема язычества может встретиться там, где ее абсолютно не ждешь, например, в детективном сериале «Обратная сторона Луны» [1, с. 21]. Правда, там встреча никак не мотивирована сюжетом и остается лишь гадать, почему сценаристы вспомнили о славянской мифологии. Интереснее пример телефильма «Провинциалка» (Александр Кананович, 2015), который совсем недавно демонстрировался на канале «Россия 1» (эфир от 14.04.18). В глухой сибирской тайге геолог ищет месторождение лунного камня и натывается на поселение русских язычников. Невозможно понять, кто они — неоязычники, сбежавшие от цивилизации, или потомки древних славян-язычников, спрятавшихся в глуши от христианизации (есть основания думать и так и так). Но их простой быт и крепкие нравственные устои показаны с симпатией и противопоставлены испорченности нашего общества.

Итак, мы убедились в том, что тема славянского язычества в том или ином виде нередко присутствует в художественных фильмах. Теперь рассмотрим, как она находит свое выражение в телепередачах.

Сразу стоит заметить, что изучить отражение этой темы на советском телевидении (если оно вообще имело место) крайне затруднительно: хотя записи телепередач той поры постепенно оцифровываются и размещаются в Интернете, в целом их пока немного. Впрочем, учитывая слабый по сравнению с сегодняшним днем уровень развития советского телевидения и строгий идеологический контроль, вряд ли можно рассчитывать найти там богатую палитру мнений о язычестве. Современное российское телевидение предоставляет гораздо более разнообразный материал для анализа. Учитывая, что совсем недавно был сделан подробный обзор таких телепередач [2], здесь мы ограничимся краткими выжимками из него в контексте интересующей нас темы, дополнив их некоторыми новыми примерами.

Как и в кино, мы можем найти некую примиренческую позицию, сглаживающую противоречия между язычеством и христианством, но в телепередачах она выражена менее явно — можно сказать, что эта линия намечена пунктиром. Так, на Первом канале в 2012 г. был показан телефильм с названием «Деревенская магия», где проводится мысль, что колдовство существует, но в его основе лежат вполне объяснимые наукой механизмы, а в нас на подсознательном уровне живут древние знания, потому даже такой известный модельер, как Вячеслав Зайцев, использует в своем творчестве орнаменты, восходящие к древнеславянским языческим оберегам. В качестве иллюстративного материала нам показывают неоязычников из «старославянской общины», быт которых показан с симпатией. Словно для того, чтобы как-то уравновесить производимое фильмом «проязыческое» впечатление, Первый канал в том же году показал еще фильм «Биополе. Невидимая сила», где утверждается, что на биополе благотворно воздействуют православные молитвы и посещение церкви.

Впрочем, телевизионщиков мало заботят поиски какого-то компромисса между язычеством и христианством — у них иные задачи. Телевизионный контент должен прежде всего приносить прибыль, и значит тема язычества должна быть подана так, чтобы это цепляло зрителя. В том, как достигается эта цель, проявляется существенная разница между кинематографом и телевидением. Если кинематографисты стараются поразить зрителя красочностью картинки и спецэффектами, то телевизионщики, не имеющие таких бюджетов, в битве за зрителя применяют иную стратегию, где фэнтези превращается в свою противоположность — быль или явь.

Хорошей иллюстрацией к этому тезису служит сериал «Гадалка» на канале «ТВ3». Этот проект выдержан в жанре документального сериала, якобы основанного на реальных событиях. В серии «Берегиня» рассказывается история девушки, которая стала замечать, что вокруг нее происходит что-то зловещее, и обратилась за советом к гадалке. От нее девушка узнает, что впала в немилость к славянской богине Берегине. Чтобы умиловить ее, приходится принести жертву. Таким образом, языческое божество изображается как реально существующая сила, влияющая на нашу жизнь.

В приведенном примере славянское божество представлено нейтрально. Да, оно может быть опасным, но нужно всего лишь уметь с ним ладить. Но эта ревитализация славянского язычества на нашем телевидении может вести как к его порицанию, так и к апологии. Приведем примеры того и другого.

Несколько лет назад на канале «НТВ» выходил цикл передач под названием «Таинственная Россия», создатели которого ездили по разным регионам России и придумывали таинственные истории с местным колоритом. Некоторые передачи были посвящены «поиску следов» славянских мифологических существ — Бабы-Яги, лешего, русалок и прочих. Журналисты пытаются найти некое рациональное зерно в этих преданиях, например, идентифицировать лешего как снежного человека. Временами, однако, рациональное мышление дает сбой. Так, в передаче под названием «Курганская область. Охота на русалку?» нам показывают реконструированное славянское святилище, рассказывают что-то про древние языческие обычаи и капища, но в итоге авторы передачи приходят к неутешительному выводу, что русалки — это темные духи, которые опасны. Спасти от них могут христианские молитвы и иконы.

Тот же посыл присутствует в выпуске программы «Дело X. Следствие продолжается» под названием «Дело о возмездии за колдовство», который был показан несколько лет назад на канале «Россия-1». Там была рассказана история о том, как неоязычники своими отвратительными ритуалами в честь бога Мора спровоцировали грозу, в результате чего молния — кара небесная — убила одного из них. Эта передача интересна не только как образец «магического реализма» на российском телевидении, но и упоминанием неизвестного науке бога Мора, знакомого нам по сериалу «Дружина». Видимо, этот персонаж оказался удачной находкой для сотрудников холдинга ВГТРК, который является производителем и того, и другого продукта.

Те же мотивы прослеживаются и в 37-м выпуске передачи «Документальный спецпроект» (снова претензии на документальность!) на «РЕН ТВ». Выпуск называется «7 посланников дьявола». В нем рассказывается о «силах зла». Есть эпизод и про славянскую магию. Нам показывают дряхлую старушку, которая «сгубила не одну сотню людей, потому как владеет секретами славянской магии — веретничеством. Эти секреты веками передавались в ее семье по женской линии». Итоговый вывод однозначен: «Такие люди — слуги дьявола. И обращаться к ним за помощью опасно».

Впрочем, именно для канала «РЕН ТВ» подобное отношение к славянской магии и языческим ритуалам совершенно не свойственно. Напротив, уже не первый год в своих псевдонаучных передачах на тему древней славянской истории канал придерживается линии на всяческую романтизацию и восхваление славянского язычества [2, с. 10–16]. Открыто утверждается, что прежде языческие боги помогали славянам — и тогда они владели передовыми технологиями и были невероятно могущественны, а их культура была богаче, чем наша. Но, когда наши предки отказались от почитания своих богов, наступил упадок. Теперь же пришло время вспомнить забытых богов и напомнить им о себе. Такой посыл содержится, например, в передачах «Девы древней Руси» (эфир от 06.05.2013), «Битва славянских богов» (эфир от 22.02.2014), «Защитники. Реальная история цивилизации славян» (эфир от 03.03.2017). Помимо всего прочего, зрителю внушается мысль, что близится время, когда ситуация изменится, в чем его должны убедить удивительные «знамения». Так, в фильме «Русские варяги. Кто и зачем продвигает идею внешнего управления для России?» (эфир от 20.01.2017) рассказывается, что погибший в 972 г. князь Святослав, бывший убежденным язычником, перед смертью якобы оставил пророчество, согласно которому он вернется через тысячу лет и вновь объединит славянские земли. Признаком того, что вскоре это пророчество сбывается, служит найденный несколько лет назад в Днестре меч, который по непонятным причинам окрестили мечом Святослава. Очевидно, князю вновь помогут славянские боги — во всяком случае на эти мысли наводит сопровождающий закадровый текст видеоряда, где нам показывают отправляющих свои обряды русских неоязычников. (Стоит заметить, что кадры с неоязыческих праздников вкрапляются во все подобные телепередачи — похоже, телевизионщикам очень нравится эта колоритная натура.)

Из представленного материала следует, что информационная политика государства по всемерной поддержке православия, сказывающаяся в том числе в обилии телевизионных сюжетов на темы православных праздников, строительства новых храмов и других событий религиозной жизни, до сих пор скорее игнорировала тему славянского язычества, во всяком случае, не была склонна к его бичеванию. Обобщенный образ язычества складывался спонтанно, и в этом процессе наблюдаются разнонаправленные тенденции. Но, возможно, ситуация начала меняться. Первый канал не просто активно участвовал в создании и продвижении фильма «Викинг» (телепреьера состоялась на этом же канале 11 марта 2018 г.), но показал 8 апреля 2018 г., в Пасху, четырехсерийный телефильм «Крещение Руси», произведенный при финансовой поддержке Министерства культуры РФ. Сопоставление этих двух фильмов показывает, что информационная политика по отношению к эпохе Крещения Руси начала выкристаллизовываться более явно. Здесь нет возможности подробно остановиться на анализе этих фильмов, но язычество показано очень схожим образом: экстатические пляски по ночам вокруг костра, грубой работы идола, грязь и жертвенная кровь на руках и лицах язычников. Зритель должен уяснить себе, что язычество — это дикость, совершенно недостойная романтизации и симпатии, а принятие славянами христианства — историческая неизбежность и несомненное благо. Вероятно, на наших глазах возникает новый тренд в подаче информации о славянском язычестве на основных федеральных телеканалах.

Итак, мы рассмотрели способы изображения и варианты интерпретации славянского язычества в советских и российских кинофильмах и телепередачах. Из представленного материала можно сделать несколько выводов.

В российском кино, во всяком случае в том, которое снимается при поддержке государства, по сравнению с советскими фильмами явно поменялись акценты в изобра-

жении славянского язычества. Если в советский период симпатии кинематографистов были на его стороне, а христианство представлялось чуждой идеологией, инструментом порабощения личности, способом политического подчинения славян Византии, а также средством борьбы класса феодалов со славянскими традициями народоправства, то ныне подчеркивается благотворная роль христианства в истории и культуре России, причем упор делается на гуманизме новой религии.

В отличие от советского кинематографа, в современных фильмах тема религиозного конфликта между язычеством и христианством практически отсутствует. Язычество изображается как некий комплекс изживших себя предрассудков, который в силу естественного развития исторического процесса вынужден был сойти со сцены и безропотно уступить дорогу христианству.

При этом до последнего времени в кино и на телевидении не было заметно попыток активного обличения язычества. Язычество предстало перед зрителем не столько страшным и отталкивающим, сколько примитивным. Лишь в 2015–2018 гг. выходят кино- и телефильмы, выставляющие язычество в весьма неприглядном свете, что открывает новую страницу в истории видеорепрезентации этого явления.

Вместе с тем российские зрители могут видеть и иные трактовки славянского язычества — от нейтральных до апологетических. Важно отметить, что во многих телепередачах персонажи восточнославянской мифологии предстают перед нами не как олицетворение народной фантазии, но как реально существующие и могущественные сверхъестественные силы.

Подобные альтернативные трактовки плохо вяжутся с представлением о «тотальном контроле» российских властей над телевидением. Напротив, можно наблюдать, как древняя история славян все теснее сближается с нацистским мифом об ариях, пресловутая «белокурая бестия» («раса белых богов») буквально завладела умами создателей передач для канала «РЕН ТВ» [2, с. 15–16]. Вряд ли можно всерьез думать, что это тоже часть «кремлевской пропаганды». Здесь мы сталкиваемся не с призрачной «рукой Кремля», но с «невидимой рукой рынка», т. е. с готовностью производителей телевизионного контента предложить населению любой продукт, который будет ему интересен.

В целом, столь богатая палитра вариантов репрезентации образа восточнославянского язычества на российских экранах вполне соответствует тому плюрализму мнений, который должен быть присущ обществу, построенному на современных демократических принципах. Вместе с тем мы, вероятно, сможем наблюдать в ближайшие годы более отчетливое противоборство в теле- и кинопроизводстве двух разнонаправленных позиций, одна из которых связана с порицанием язычества и апологией сменившего его христианства, вторая — напротив, выражается в реабилитации и романтизации язычества. При этом первая из них будет поддерживаться государством, вторая — вкусами и запросами зрителя.

Но сможет ли независимая от государства продукция конкурировать с кинофильмами и телепередачами, снятыми при поддержке государства? Похоже, что да. В этом убеждает опыт развлекательных телеканалов и те тенденции, что сейчас наблюдаются в сфере российского кинобизнеса.

В том, что язычество как нечто колоритное и таинственное для коммерческого телевидения гораздо интереснее, нежели более знакомое зрителю и уже хотя бы потому скучное христианство, сомневаться не приходится. В этом свете неудивительной кажется победа в тринадцатом сезоне (2012) популярного шоу «Битва экстрасенсов»

на канале «ТНТ» жреца бога Велеса — напротив, было бы странно, если бы подобный проект обошелся без представителя славянского язычества. И наоборот, трудно себе представить, чтобы в таком шоу участвовал православный священнослужитель. Таким образом, анализ передач российского телевидения показывает, что у славянского язычества есть своя коммерческая ниша, которая обязательно будет заполнена в условиях свободной конкуренции и отсутствия цензуры.

Что касается сферы кинопроизводства, то, как было продемонстрировано выше, сейчас вполне возможно снимать фильмы без господдержки. При этом важно учесть, что меняется структура зрительской аудитории и ее потребительское поведение. Недавний масштабный опрос посетителей российских кинотеатров [8] показал, что россияне стали ходить в кино чаще, российские фильмы становятся более востребованными, при этом зрительская аудитория взрослеет, и зрители все более внимательно относятся к выбору фильма для просмотра — каждый третий читает отзывы о фильме в Интернете перед тем, как принять решение о покупке билета. Вероятно, отзывы в Интернете могут стать мощным инструментом формирования обратной связи от зрителей к кинопроизводителям. Последним придется значительно больше внимания уделять вкусам и потребностям своей аудитории. Важность учета этого фактора демонстрирует поучительная история фильма «Викинг». Несмотря на оглушительную рекламную кампанию, которую устроил Первый канал (нам показали даже кадры с Президентом В. В. Путиным, для которого устроили персональный просмотр), отзывы зрителей на специализированных интернет-сайтах («Кинопоиск», IMDb) очень низкие — всего 4.6 балла по 10-балльной шкале. И лишь 2 балла по 5-балльной шкале выставили фильму пользователи русскоязычного сайта «Отзовик» (среди более чем тысячи отзывов преобладает оценка 1 балл). В числе наиболее частых претензий — оскорбительный образ древних славян и их дохристианской культуры². Можно спорить, насколько исторически достоверными являются те или иные детали, показанные в фильме, но факт остается фактом — зрители приняли в штыки такую версию нашей истории. Видимо, в дальнейшем режиссерам, собирающимся снимать фильмы о Древней Руси, придется учитывать этот *vox populi*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Бесков А. А.* Реминисценции восточнославянского язычества в современной российской культуре (статья вторая) // *Colloquium heptaplomeres*. 2016. № 3. С. 6–24.
- 2 *Бесков А. А.* Реминисценции восточнославянского язычества в современной российской культуре (статья третья) // *Colloquium heptaplomeres*. 2017. № 4. С. 7–19.
- 3 *Зуев И. Н.* Путь от образа к символу. Появление и реализация в русском искусстве первой половины XX в. концепта «скиф» // *Вестник славянских культур*. 2017. № 3. С. 222–231.
- 4 *Ищенко Е. Н.* «Визуальный поворот» в современной культуре: опыты философской рефлексии // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия*. 2016. № 2 (20). С. 16–27.
- 5 *Мороз Е.* Неоязычество в России // *Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям / под ред. А. Верховского*. М.: Центр «Сова», 2005. С. 196–225.

² На этом фоне обращение русских неоязычников в прокуратуру по поводу оскорбления создателями фильма их религиозных чувств [11] выглядит не столько комичным, сколько закономерным.

- 6 Мочалова В. В. Звук и видеоизображение: опыт российских ТВ-сериалов. Наблюдения над практикой // Наука телевидения. 2010. № 7. С. 323–329.
- 7 Петренко Е. С. СМИ-экраны: в реале, в рунете и среди акторов гражданского участия (по результатам общенациональных опросов ФОМ в 2015–2016 гг.) // Наука телевидения. 2017. № 13.3. С. 7–17.
- 8 Портрет аудитории российских городских кинотеатров 2017. М., 2018. 11 с. // Фонд кино. URL: <http://www.fond-kino.ru/documents/download/727/> (дата обращения: 10.04.2018).
- 9 Телегин С. М. Телевидение как средство создания коллективных мифов // Наука телевидения. 2010. № 7. С. 64–72.
- 10 Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века / отв. ред. С. И. Ковалев. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 168 с.
- 11 Фрагмент выпуска программы «Познер» от 06.02.2017 // Сайт Первого канала. URL: <http://www.1tv.ru/shows/pozner/izbrannoe/anatoliy-maksimov-o-borbe-sovremennyh-yazychnikov-protiv-vikinga-pozner-fragment-vypuska-ot-06-02-2017> (дата обращения: 10.04.2018).
- 12 Шнирельман В. А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: Изд-во ББИ, 2012. 302 с.
- 13 Ямпольский М. Экспрессивность: между человеческим и машинным (неметафизическая антропология и кинематограф) // Новое литературное обозрение. 2011. № 109. С. 20–36. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1892> (дата обращения: 03.04.18).

***

© 2018. Andrei A. Beskov
Nizhny Novgorod, Russia

THE IMAGE OF SLAVIC PAGANISM IN RUSSIAN CINEMA AND TELEVISION

Acknowledgements: The research is carried with financial support from RFH, project No. 15-31-01247 (“Complex historical and religious study of the phenomenon of Russian Neo-Paganism”).

Abstract: The article explores a number of variants of representation of Slavic Paganism in Soviet and Russian films and TV programs. Previously, this topic almost did not attract scientists’ attention, despite the availability of considerable material that requires requiring closer attention. Whereas filmmakers of the Soviet era expressed their sympathy mostly for the pagans and not the Christians, now the situation is reversed. The reason for this is the State's position, which focuses on the support of the Russian Orthodox Church. However, television displays tendencies toward rehabilitation and romanticisation of paganism, which may be considered as a reflection of the needs of Russian society. Probably, the opposition of pro-christian and pro-pagan intentions in Russian films and TV shows will only grow.

Keywords: Visual culture, Russian culture, Russian cinema, Soviet cinema, Russian TV, Slavic Paganism, public consciousness.

Information about author: Andrei A. Beskov — PhD in Philosophy, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Ul'ianova St., 1, 603000 Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: beskov_aa@mininuniver.ru

Received: April 20, 2018

Date of publication: December 28, 2018

For citation: Beskov A. A. The image of Slavic paganism in Russian cinema and television. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 50, pp. 301–313. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Beskov A. A. Reministsentsii vostochnoslavianskogo iazychestva v sovremennoi rossiiskoi kul'ture (stat'ia vtoraiia) [Reminiscences of Eastern Slavic Paganism in modern Russian culture (part two)]. *Colloquium heptaplomeres*, 2016, no 3, pp. 6–24. (In Russian)
- 2 Beskov A. A. Reministsentsii vostochnoslavianskogo iazychestva v sovremennoi rossiiskoi kul'ture (stat'ia tret'ia) [Reminiscences of Eastern Slavic Paganism in modern Russian culture (part three)]. *Colloquium heptaplomeres*, 2017, no 4, pp. 7–19. (In Russian)
- 3 Zuev I. I. Put' ot obraza k simvolu. Poiavlenie i realizatsiia v russkom iskusstve pervoi poloviny XX v. kontsepta “skif” [The path from image to symbol. Emergence and realization of the concept “Scythian” in the Russian art of the beginning of the 20th century]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2017, no 3, pp. 222–231. (In Russian)
- 4 Ishchenko E. N. “Vizual'nyi povorot” v sovremennoi kul'ture: opyty filosofskoi refleksii [“Visual turn” in contemporary culture: experience of philosophical reflection]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Filosofia*, 2016, no 2, pp. 16–27. (In Russian)
- 5 Moroz E. Neozazychestvo v Rossii [Neo-Paganism in Russia]. *Tsena nenavisti. Natsionalizm v Rossii i protivodeistvie rasistskim prestupleniiam* [The price of hatred. Nationalism in Russia and opposition to racist crimes], ed. by A. Verkhovskii. Moscow, Tsentr “Sova” Publ., 2005, pp. 196–225. (In Russian)
- 6 Mochalova V. V. Zvuk i videoizobrazhenie: opyt rossiiskikh TV-serialov. Nabliudeniia nad praktikoi [Audio and video in Russian TV series]. *Nauka televideniia*, 2010, no 7, pp. 323–329. (In Russian)
- 7 Petrenko E. S. SMI-ekrany: v reale, v runete i sredi aktorov grazhdanskogo uchastiia (po rezul'tatam obshchenatsional'nykh oprosov FOM v 2015–2016 gg.) [Media screens: in the reality, in the internet and among the actors of civil participation (according to the results of national surveys of FOM in 2015–2016)]. *Nauka televideniia*, 2017, no 13.3, pp. 7–17. (In Russian)
- 8 Portret auditorii rossiiskikh gorodskikh kinoteatrov 2017 [The composite sociological profile of the Russian moviegoer in 2017]. Moscow, 2018. *Nauka televideniia* [Television science]. Available at: <http://www.fond-kino.ru/documents/download/727/> (accessed 10 April 2018). (In Russian)
- 9 Telegin S. M. Televidenie kak sredstvo sozdaniia kollektivnykh mifov [Television as a means of creating collective myths]. *Nauka televideniia*, 2010, no 7, pp. 64–72. (In Russian)
- 10 Tokarev S. A. *Religioznye verovaniia vostochnoslavianskikh narodov XIX–nachala XX veka* [The religious beliefs of the East Slavic peoples in the 19th – early 20th centuries], ex. ed. by S. I. Kovalev. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012. 168 p. (In Russian)
- 11 Fragment vypuska programmy “Pozner” ot 06.02.2017 [The segment from TV show “Pozner”, 06 February 2017]. Available at: <http://www.1tv.ru/shows/pozner/>

- izbrannoe/anatolij-maksimov-o-borbe-sovremennyh-yazychnikov-protiv-vikinga-pozner-fragment-vypuska-ot-06-02-2017 (accessed 10 April 2018). (In Russian)
- 12 Shnirel'man V. A. *Russkoe rodnoverie: neoiazychestvo i natsionalizm v sovremennoi Rossii* [Russian Rodnoverie: Neo-Paganism and nationalism in contemporary Russia]. Moscow, Izdatel'stvo BBI Publ., 2012. (In Russian)
- 13 Iampol'skii M. Ekspressivnost': mezhdru chelovecheskim i mashinnym (nemetafizicheskaia antropologiya i kinematograf) [The expressiveness: between human and machine (non-metaphysical anthropology and cinema)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2011, no 109, pp. 20–36. (In Russian)